

К сожалению, прошёл целый год, а улучшений не было ни капли. Он не мог не приуныть, чувствуя, что, вероятно, ему суждено до конца жизни быть слепым и хромым.

Свободная жизнь с мечом, странствия по свету — всё это ушло безвозвратно. И та искорка, то слабое пламя любви к Тан Сяоу тоже понемногу угасало. Даже его тело, казалось, вернулось к состоянию до встречи с Тан Сяоу. Даже находясь в весёлом квартале, привыкнув к постоянным встречам и проводам, он не испытывал особого интереса, а через несколько дней, накопившееся напряжение он кое-как сбрасывал.

Оглядываясь теперь, год назад он действительно, после долгой разлуки вновь встретив Тан Сяоу, потерял голову, на мгновение воспылав страстью к А У, отдавая и требуя, но даже не подумал, хочет ли того сам другой человек. Это он слишком много вмешивался, в конце концов не сдержал себя, и вот к чему всё привело.

Он шёл вдоль стены к заднему двору, как вдруг женский голос спросил:

— Малыш Инь, ты вернулся?

Бай Иньфэн замер:

— Сестрица Сяо Цзиньцзы?

Женщина помогла ему найти стул и сесть, достала куриную ножку, завёрнутую в промасленную бумагу, и положила ему в руку:

— Приберегла для тебя, ешь скорее, пока горячая!

Бай Иньфэн невольно растрогался:

— Сестрица Сяо Цзиньцзы, не стоит так...

Женщина успокаивающе похлопала его:

— Мне скоро возвращаться в кабинет, ты сам о себе позаботься, понял?

Закончив наставления и услышав согласие Бай Иньфэна, она поспешно удалилась.

Бай Иньфэн пришёл в Терем Айвань недавно, и мать-содержательница вскоре перестала им заниматься. Если бы не Цзинь Гуйхуа, которая продвигала его, настаивая, чтобы во время её пения он обязательно аккомпанировал на саньсяне, возможно, мать-содержательница вообще не дала бы ему времени на тренировки с саньсянем, заставив выполнять тяжёлую работу. Теперь, когда он вновь обрёл этот навык, заслуга Цзинь Гуйхуа несомненна.

Цзинь Гуйхуа провела в тереме немало времени. Говорят, в шестнадцать лет она тоже была звездой первой величины. Времена изменились, её слава уже не та, что у Хун Е Нин Би, но благодаря её пониманию и умению угождать, число постоянных покровителей не слишком уменьшилось, время от времени кто-нибудь заказывал в её комнате целый стол угощений.

Вино и закуски в публичном доме в несколько раз дороже, чем обычная еда и напитки на стороне. Обычные посетители, если время визита коротко, не заказывают угощений, выпивают пару чайников чаю и уже не могут терпеть. Поэтому Цзинь Гуйхуа тоже не часто видела перед собой хорошее вино и вкусные блюда.

Эти объедки, как правило, распределялись между девушками, временно не принимающими

гостей, но перспективными, и крепкими подсобными рабочими. И лишь когда у них что-то оставалось, очередь доходила до него. Если бы Цзинь Гуйхуа специально не завернула для него эту куриную ножку, возможно, он и за несколько лет не получил бы ни кусочка.

Есть в одиночку на виду у всех — хлопотное дело. Бай Иньфэн спрятал свёрток за пазуху, пошёл на кухню, нашел немного объедков, чтобы утолить голод, и на ощупь пробирался обратно во двор.

К тому времени уже стемнело, в передней части Терема Айвань становилось всё шумнее, доносились смутные звуки страстных возгласов мужчин и женщин, но для него, казалось, не имели никакого значения.

Несколько дней назад он только что сбросил напряжение, и по сравнению с похотью, аппетит был в сотни раз сильнее. Уже почти месяц он не ел цельного куска мяса. Куриная ножка за пазухой источала один за другим соблазнительные маслянистые ароматы, от которых у него текли слюнки и кружилась голова.

Он нащупал дорогу обратно в дровяной сарай, машинально поставил костыль у соломенной постели, вытащил из-за пазухи свёрток, развернул слои промасленной бумаги, обнажив ещё тёплую куриную ножку.

Сделав всего один укус, Бай Иньфэн почувствовал, что ножка сочная, сладко-свежая, ароматная, неопишимо вкусная.

— Красавчик, а ты что это тут тайком кушаешь? — внезапно из двери донёсся мужской голос, игривый и развязный.

Бай Иньфэн опешил. Ночью в дровяной сарай никто не заходил, не ожидал, что сегодня вечером кто-то вломится. Этот голос он слышал не так давно — это был тот самый Линь Пятый, что нанял десять девушек для сопровождения за вином.

Этот человек, пьяный, плохо видел и принял его за девушку. Он прочистил горло:

— Господин, вы ошиблись, это дровяной сарай, дорога в переднюю часть на востоке...

Но Линь Пятый, казалось, не слышал его слов, шаги, немного неуверенные, приближались к кровати, где он сидел.

Бай Иньфэн замер, и вдруг рука его опустела — куриную ножку, похоже, отнял Линь Пятый.

— Что вы делаете?

— Эта ножка выглядит невкусной, я помогу тебе выбросить её, — пьяным голосом произнёс Линь Пятый, взял ножку и пошёл к выходу.

— Верните! — Бай Иньфэн уже давно не ел цельного куска мяса, только один укус сделал, а этот человек уже отнял.

Мгновенно охваченный и изумлением, и гневом, забыв схватить костыль у кровати, он бросился вдогонку.

Увы, он хромал, без костыля шёл ещё медленнее, только и слышал, как Линь Пятый, семеня, вышел за дверь.

Когда он добрался до входа, то услышал лишь, как шаги Линь Пятого замерли, а затем за стеной радостно залаяла собака.

Бай Иньфэн остолбенел, осознав, что этот повеса действительно выбросил его куриную ножку за стену, скормив собаке!

Он несколько раз прерывисто вздохнул, затем постепенно успокоился.

Молодые повесы, издеваясь над бедняками, получают удовольствие — такое он и раньше видел не раз, ничего удивительного. Среди ежедневных посетителей публичного дома почти половина — такие люди. Раньше они просто не обращали на него внимания, ленились его дразнить, а в этот раз ему просто не повезло столкнуться.

Ничего, ничего...

Однако он был молод и горяч, никогда не учился искусству владения внутренней энергией, и на лице его остался след не утихшего гнева, возможно, замеченный Линь Пятым.

Линь Пятый большими шагами направился к нему, он поспешно опустил голову и, прихрамывая, попятился обратно в деревянной сарай.

Линь Пятый подошёл вплотную, он лишь почувствовал боль в подбородке — тот, кажется, сжал его. В ушах прозвучал похотливый голос Линь Пятого:

— Рассердился, а?

Всего лишь похотливый пьянчуга, ничего страшного. Утешал он себя в душе, на словах же произнёс:

— Не знаю, в чём провинился перед господином, прошу вас, господин, не помнить зла на маленького человека...

— Ой-ой, ты что, забыл, что между «маленький» и «человек» не хватает иероглифа «красивый»? Если ошибёшься, Пятый господин не согласится, — Линь Пятый одной рукой обнял его за талию, другая, что держала подбородок, потянулась погладить щёку.

Бай Иньфэн в страхе и трепете попытался оттолкнуть руку Линь Пятого. Но после потери боевых искусств его тело стало слабее, чем у обычного человека. За это время он всё пытался восстановить боевые навыки, но яд Цяньцзи, похоже, повредил даньтянь, и даньтянь больше не мог накапливать внутреннюю силу. Внутренняя и внешняя практики пришли в полный беспорядок, да ещё и хромота так долго — сил оказалось даже меньше, чем у Линь Пятого, этот толчок был словно тщетная попытка муравья сдвинуть дерево, никак не получалось.

Он лишь бессвязно бормотал:

— Господин, вы точно перепутали, я всего лишь музыкант, никакой не красавчик...

Он сопротивлялся слишком сильно, и Линь Пятый слегка отпустил его. Не успел он успокоиться, как услышал звук рвущейся ткани, и между бёдрами мгновенно стало прохладно.

Он потянулся рукой — свои штаны Линь Пятый действительно порвал.

У подсобных рабочих в Тереме Айвань всего по одному комплекту одежды на зиму и лето, этот комплект ему только что выдали, а Линь Пятый уже его порвал. Если этот пьяница,

протрезвев, не признает вины, его потеря будет куда больше одной куриной ножки.

— Пятый господин говорит, ты красавчик, кто посмеет сказать иначе? Весенняя ночь стоит тысячи золотых, давай сегодня хорошо поиграем! Пятый господин обязательно доставит тебе небесное наслаждение!

Перегар Линь Пятого ударил в лицо Бай Иньфэну. Возможно, вино, что он заказывал, было хорошим, запах был не противный.

Однако дыхание становилось всё гуще, и у Бай Иньфэна внезапно возникло дурное предчувствие. Он отклонил голову, и губы Линь Пятого прикоснулись к его щеке.

Линь Пятый продолжил спускаться губами по его щеке вниз, руки ощупывали его тело.

Эта ситуация мгновенно вскрыла его давно запечатанные воспоминания. Раньше, когда Тан Сяоу предавался с ним любовным утехам, тоже любил его ощупывать, без устали восхищаясь его грудью, талией и задницей, этими ключевыми зонами, не в силах оторвать рук, к другим же частям тела не проявлял столь сильного интереса.

А этот Линь Пятый был непривередлив, от щёк до шеи, ключиц — всё ощупывал довольно долго.

Бай Иньфэн давно не упражнялся с мечом, грудные мышцы уже не такие упругие, как раньше, дряблые и мягкие. Этот период был самым неловким, если подождать ещё, молодая кожа постепенно восстановит упругость, и его грудь станет более плоской, что будет лучше, чем сейчас.

Он собирался подождать, пока Линь Пятый дойдёт до его низа, надеясь, что общее для мужчин «достояние» напугает того и протрезвит, но не ожидал, что Линь Пятый будет ощупывать так долго и всё не остановится.

Бай Иньфэн, простояв долго, начал терять равновесие, с отвращением пытаясь оттолкнуть его.

Отвращение вызывал не Линь Пятый, а он сам. Возможно, из-за долгого отсутствия близкого контакта с людьми, он только что немного увлёкся теплом, исходящим от пальцев Линь Пятого.

<http://bllate.org/book/15610/1393742>